

О ПОКРОВСКОЙ В. О. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПОКРОВСКАЯ (Гримм) Вера Оскаровна, родилась в 1886 в Санкт-Петербурге (отец, Гримм Оскар Андреевич, профессор, в 1821 — скончался; мать, Гримм Елена Федоровна). Получила высшее образование, с 1905 — преподавала в гимназиях Санкт-Петербурга. Вышла замуж за Владимира Александровича Ляцкого, в 1921 — арестована по делу мужа, приговорена к высылке и отправлена в Архангельск; вскоре была оправдана по суду и возвращена в Петроград. Преподавала в 26-й средней школе Пролетарского завода. В 1923 — вышла замуж за Владимира Васильевича Покровского, литератора. 28 февраля 1935 — арестована, приговорена к 5 годам ссылки и 9 апреля отправлена в Иргиз Актюбинской области.

В апреле 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее мать, Елена Федоровна Гримм.

«30/IV

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Простите мою смелость, я снова обращаюсь к Вам со своим горем. Помогите старухе-матери, Гримм Елене Федоровне, только что перенесшей воспаление легких и оставленной дочерью, Верою Оскаровна Покровской, арестованную и высланную 9/IV в Иргиз Актюбинской области. Обвинение состояло в том, что лет 15 тому назад она была замужем за Ляцким, который пропал бесследно и был, видимо, расстрелян, она же по суду была оправдана и возвращена из Архангельска домой.

В настоящее время она уже 12 лет замужем за Покровским, и за какие же грехи высылают ее в такой далекий край, куда она не могла взять меня больную. Мне 77 л<ет>, я едва хожу с одышкой и отеками ног, и моя сердечная просьба к Вам выхлопотать, если не освобождение дочери, то, во всяком случае, приближение дочери к железн<ой> дороге, куда она могла бы взять меня к себе. Я совершенно одна, при мне нет никого из родных, и сердце мое надрывается в горе и ужасе приближающейся кончины без родной руки.

Ради всего доброго и хорошего откликнитесь, добрейшая Екатерина Павловна, на мою просьбу. Помогите мне в моем бедствии! Грошова пенсия, которую я получаю (60 р<ублей>), не хватает мне на прожитие, а доктор и аптека необходимы. Это все давала мне дочь Вера, которая была хорошим педагогом и ценным работником в семье; теперь же она лишена всякого заработка, т<ак> к<ак> место ссылки разрушенный аул, где нет работы для массы засланных туда людей. За характеристику дочери простите, а только прошу Вас, Екатерина Павловна, как милости, похлопочите за нас.

Глубокоуважающая Вас

Елена Федоровна Гримм, вдова

профессора Оскара Андреевича Гримма.

Адрес: Саперный, <дом> 15, <кв.> 14. Ленинград-14»¹.

В октябре 1935 — Вера Оскаровна Покровская подала заявление в НКВД РСФСР.

<31 октября 1935>

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1325. С. 96-97. Автограф.

«В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РСФСР

ПОКРОВСКОЙ Веры Оскаровны
(г<ород> Иргиз Актюбинской области,
Степная улица, д<ом> № 1)

З А Я В Л Е Н И Е

28-го февраля с<его> г<ода> в Ленинграде, в моей квартире по Саперному пер<еулку>, д<ом> № 15, кв. 14 был произведен обыск; я была арестована, а затем 9-го марта выслана как Покровская-Морская.

Фамилии Морской я никогда не носила и в течение моей полувековой жизни ни к каким Морским никогда никакого отношения не имела.

Соединение моей фамилии Покровской, которую я ношу с 4-го октября 1923 г<ода> (ЗАГС, Ленинград, центр<альный> район, № записи 3409), с фамилией Морской есть полное недоразумение и, если на последней лежит ответственность за государственное преступление, перенесенная на меня, таковую прошу снять с меня и вернуть меня в Ленинград.

При обыске 28-го февраля не было найдено ничего, что могло бы компрометировать меня в политическом отношении. На допросе мне не предъявлено никакого обвинения.

Если основанием для моей высылки из Ленинграда послужила моя ссылка в Архангельск по делу моего первого мужа Ляцкого Владимира Александровича, расстрелянного в 1921 или 1922 году, то в распоряжении НКВД имеются материалы, доказавшие мою полную непричастность к данному делу.

Допрашивавший тогда меня следователь, т<оварищ> Карусь не только не предъявил мне никакого обвинения, но на записке Ляцкого В. А. ко мне своею подписью засвидетельствовал мой выход из тюрьмы и мое право на получение вещей, отобранных у Ляцкого при заключении его в тюрьму.

Большое мое несчастье в том, что этот документ, тщательно мною хранимый на протяжении многих лет, к настоящему моменту утерян. Но я говорю о нем по чистой совести, о чем свидетельствует следующее обстоятельство, которое, несомненно, отмечено в делах НКВД.

Хотя, — вопреки свидетельству т<оварища> Каруся, — я не только не была освобождена своевременно из тюрьмы и не получила вещей Ляцкого, а с партией, предназначенной к высылке в Архангельск на 2 года, также была выслана и я, не имея в руках никакого обвинительного документа, каковой был в тот момент у всех, с которыми выслали и меня. В то время как все, высланные со мной в Архангельск, должны были отбывать назначенный им срок наказания, я без всяких с моей стороны ходатайств через три месяца была освобождена, что свидетельствует только о моей невиновности.

Таким образом, невинно пострадав в 1921 или 1922 году (точно не помню), я теперь, через 12-13 лет, снова осуждаюсь за то, в чем была признана неповинной тогда.

Своевременно оправданная по делу Ляцкого, ничем решительно не скомпрометировавшая себя в политическом отношении, как за последние 12-13 лет, так равно и за все годы Советской власти, я вторично прошу НКВД восстановить меня в правах гражданства и вернуть в Ленинград.

Никогда не состоя ни в каких политических организациях, а тем более контрреволюционных, я с 19-ти лет — на протяжении тридцати — занимаюсь исключительно педагогическим трудом. Подорвав свое

здоровье (грудная жаба, склероз сердца), я некоторое время была пенсионеркой по инвалидности, но с улучшением здоровья снова учительствовала в 26-й школе Пролетарского завода, вплоть до моего ареста.

По социальному положению – я в прошлом дворянка, дочь профессора ГРИММА Оскара Андреевича, доктора зоологии, известного ихтиолога, научные труды которого в этой области являются в СССР общепризнанными и популярными. Отец мой скончался на педагогическом посту профессором Псковского Народного Техникума в 1921 году, оставив единственным в своем роде такой научный труд как "Рыболовство".

Дед по отцу всю свою долгую жизнь был учителем немецкого языка; имущественного ценза не имел.

Моя мать – Елена Федоровна ГРИММ, благодаря научным заслугам моего отца, состоит персональной пенсионеркой, получает 60 руб. в месяц.

Лично я, также никогда не имела никаких средств, кроме добываемых неустанным педагогическим трудом, считаю педагогом опытным и отвечающим требованиям современности.

Муж мой — ПОКРОВСКИЙ Владимир Васильевич — с самого начала Революции служил: в 1918 году — Управляющим делами Нарком<ага> прос<вещения>, в 1919 году — Председателем Особой Продовольственной Комиссии Северного Фронта по назначению Совнаркома, в 1920 г<оду> — Председателем Литературно-Исторической Комиссии при Штабе 4-й Армии по собиранию сведений о революции в Крыму, в 1921 г<оду>-1922 г<оду> — Заместителем Уполномоченного Народн<ого> Комиссариата Внутр<енней> Торговли по Крыму.

С 1923 года занялся литературным трудом, по детской литературе. В этой области имеет известную повесть "Унгарка", которая получила блестящую оценку, как бесспорно нужная книга "в советском воспитании", имела 4 издания и включена в школьную хрестоматию "Новая деревня".

С 1928 года на моем попечении находятся моя мать, 78 летняя болезненная старуха, и моя няня, крестьянка Новгородской губернии Наталья Васильевна Ирашина, — пенсионерка, живущая в семье Grimm в качестве члена шестой десяток лет, и такая же, как и моя мать, болезненная старуха. С моей высылкой обе старухи оказались в катастрофическом положении. Болезнь и слабость у обеих старух прогрессирует, а между тем моей материальной поддержки они лишены и не имеют никакого необходимого ухода.

Если, — вопреки моим ожиданиям, на основании всего сказанного, я не могу быть в ближайшее время возвращена в Ленинград, — я ходатайствую о скорейшем переводе меня из Иргиза в какой-либо ближайший к Ленинграду город: Калугу, Саратов, Куйбышев, Тамбов, куда я могла бы немедленно перевезти и моих старух и, таким образом, избавить их от напрасных страданий и преждевременной смерти.

Взять их к себе, находясь в Иргизе, я не могу по целому ряду совершенно очевидных причин: болезненность и слабость старух, дальность расстояния, климатические и продовольственные условия и целый ряд других причин, которые делают совершенно невозможным переезд в Иргиз для моей матери и для моей няни.

В. Покровская.

31-Х-35 г<ода>»².

В ноябре 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой вновь обратилась за помощью Елена Федоровна Grimm.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1325. С. 107-108. Машинопись, подпись — автограф.

<25 ноября 1935>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Снова обращаюсь я к Вам с просьбой помочь моему безвыходному горю, моля ходатайства Вашего при разборе дела дочери моей Веры Оскаровны Покровской. Последним Вашим письмом от 17 сентября Вы известили меня, что дело моей дочери остается пока без изменения. Это слово пока дало мне надежду на Вашу помощь и содействие при рассмотрении в настоящее время поданного моей дочерью ходатайства.

За это время положение мое значительно ухудшилось: болезнь прогрессирует, я с каждым днем слабею, страдаю от одиночества и беспомощности; возле меня нет ни одного близкого человека, который бы поддержал меня. Еще раз прошу Вас, помогите и посодействуйте возвращению моей дочери в Ленинград или в какой-либо город, ближайший к Ленинграду, куда я могла бы доехать, так как я пропаду здесь одна. Тяжелое мое моральное состояние усугубляется сознанием, что дочь моя, невинно пострадавшая, и в деле ее замешена по недоразумению чужая фамилия, которая вносит путаницу в дело.

Вдова профессора
Елена Федоровна Гримма

25/XI-35

Ленинград-14

Саперный, <дом> 15, <кв.> 14»³.

О смягчении положения ссыльной Веры Оскаровны Покровской еще не раз обращалась в ПОМПОЛИТ как ее мать, Елена Федоровна Гримм, так и ее знакомые⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1325. С. 104. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1491. С. 270-271; Д. 1559. С. 17.